

Рой Медведев

В АЭРОПОРТУ города Магадан 27 мая 1994 года приземлился рейсовый самолет компании «Аляска Эйрлайн». Из салона машины вышел и спустился по трапу Александр Солженицын. После двадцати лет изгнания он вновь вступил на российскую землю, и место встречи с Родиной не было случайным. Именно Колыма, по словам Солженицына, была самым крупным, самым далеким и знаменитым островом удивительной и жестокой страны — ГУЛАГ, географией разорванной в архипелаг, по психологией скованной в континент почти неосознанной страны, которую населял когда-то многомиллионный народ эзков. В Магадане Солженицын опустился на колени и поцеловал землю России.

О возвращении Солженицына в Россию уверенно говорили в Москве уже в апреле 1994 года, хотя точная дата и место возвращения писателя были еще неизвестны. Казалось странным, но только немногие из писателей и публицистов встретили это известие с воодушевлением. «Он единственный, — писал в «Независимой газете» от 27 апреля 1994 г. Сергей Яковлев, — кто способен собрать расколотый, разбитый по углам несчастный народ под знаменем национально-возрождения, вернуть ему надежду и уверенность в своих силах и направить энергию народа в здоровое, созидательное русло».

«Пророк он или не пророк? — задавал вопрос Александр Пумпянский. — Но пророк — это человек, провидящий свой век. Солженицын же столько раз ошибался. Все последнее десятилетие, переломное для судеб России, был ли он первым с точным словом поддержки или предостережения? Нет, он отмалчивался. Понимает ли он мир на пороге третьего тысячелетия или безнадежно погрузился в искореняемую российскую историю? Где он черпает идеалы общественного устройства, разве не в мире, которого нет?»

«Я против возвращения Солженицына в Россию, — заявил писатель Юрий Нагибин. — Этот приезд и ему, и всем нам сорвет нервную систему. То, что делает сейчас Солженицын, мне неприятно. Человеку, создавшему двадцать томов, кажется, что он обьял Россию, ее прошлое, настоящее и будущее. Это все чушь! Тут и без него немало умных людей. Сейчас нужны люди типа Гайдара, которые могут быть абсолютно мужественными, которые думают».

Наиболее жесткой оказалась статья молодого литературоведа Григория Амелина «Жить не по Солженицыну» в уже упомянутом номере «НГ»: «С голливудской бордой и начищенной до немыслимого блеска совестью, он является в Россию, как Первомай, и, как он же, безбожно устаревший. А кому он, в сущности, нужен? Да никому... Нафталину ему, нафталину! И на покой!».

...Остановка в Магадане была недолгой, и вечером того же дня Солженицын прибыл во Владивосток. Программа этого возвращения готовилась по весьма масштабно, превращаясь по своим масштабам в крупные пропагандистские мероприятия 70–80-х годов. При этом все финансовые издержки двухмесячной поездки по России впрягла на себя британская телерадиокорпорация Би-би-си. Корпорация взяла в аренду у МПС два специальных вагона-салона: один — для семьи писателя, другой — для нужд операторов и редакторов корпорации. Возмещались и все другие возможные расходы железной дороги, был предусмотрен и гонорар для Солженицына. Взамен Би-би-си получала право на съемку фильма о возвращении великого изгнанника на свою родину, а также на продажу этого фильма в любые страны, кроме России. В России этот фильм, по условиям соглашения, должен демонстрироваться бесплатно. В соответствии с заранее составленной программой предусматривались остановки на три–пять дней во всех крупных го-

Наталья и Александр Солженицыны. Владивосток, 28 мая 1994 г. Фото АП

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ Александр Солженицын: одиночество после возвращения

родах после Владивостока — в Хабаровске, Чите, Иркутске, Красноярске, Новосибирске, Омске. Всего таких остановок было семнадцать.

Западная и московская пресса подробно описывали пребывание Солженицына в Приморском крае, много меньше публикаций было о его встречах в Хабаровском крае. Дальше по ходу путешествия о Солженицыне писала только местная печать, а все иностранные и столичные корреспонденты вернулись в свои редакции. Рядом с писателем неизменно находились только операторы и ведущие из Би-би-си. Читая московские газеты в июне и в начале июля, можно было подумать, что путешествие Солженицына уже завершилось. В этом был просчет всех организаторов этого возвращения великого писателя на свою родину, и прежде всего просчет самого Солженицына: он не сумел поддерживать внимание и интерес к своим выступлениям и высказываниям больше, чем 5–6 дней. Дальше все повторялось, и это становилось уже неинтересным. Даже жена и дети Солженицына время от времени покидали его поезд, который двигался через всю Россию очень медленно. Солженицын говорил позднее с большой обидой, что его поездка замалчивалась, что московские газеты неделями не писали ни строчки о его выступлениях и о том, что говорят люди в провинции. Эти обвинения были несправедливы. Я знакомился с частью местной прессы за июнь и июль и мог убедиться, что проблемы, поднимавшиеся на встречах Солженицына с жителями больших и малых городов Сибири, Урала и Поволжья, были почти одинаковы. У врачей или учителей Хабаровска имелись те же проблемы, что и у врачей и учителей Улан-Удэ или Омска: нерегулярная и низкая зарплата, недостаток учебников и медикаментов, голодные дети и истощенные пациенты, растущая преступность, плохая работа транспорта, произвол чиновников. Для Москвы все это не являлось открытием. Не было здесь никаких сенсаций и для иностранных журналистов. В конце концов и Би-би-си все больше и больше переключала своих операторов на съемки величественной русской природы. Большой фильм о возвращении Солженицы-

на в Россию вышел на мировые экраны в 1995 году и прошел сравнительно незамеченно.

Хотя Солженицын отказывался считать себя политиком, уже по итогам мая он занял место в рейтинге «НГ» «Сто наиболее влиятельных политиков России». В июле он находился в этом списке на двенадцатом месте.

...В середине июля специальный поезд, в котором двигался по России Солженицын, находился уже в Поволжье, и все пассажиры этого поезда готовились к встречам в Москве. Готовились к встрече с писателем и в столице, и когда 21 июля, в четверг вечером, Солженицын наконец прибыл в Москву, на площади у Ярославского вокзала собрались около двадцати тысяч человек; по московским масштабам это немного. Дело было, конечно, не в дождливой погоде, как пытались объяснить некоторые газеты, а в отсутствии оповещения. О дне и месте прибытия писателя в Москву не сообщали ни печать, ни телевидение.

...В середине октября писатель стал готовиться к предстоящему выступлению в Государственной Думе. Состав Думы в 1994 году был крайне пестрым, и главными фракциями здесь были фракция Владимира Жириновского и его ЛДПР, фракция правых радикал-реформаторов во главе с Егором Гайдаром и фракция КПРФ во главе с Зюгановым. Все эти политические движения относились к Солженицыну весьма критически, да и он отвечал им еще более резкой критикой. Тем не менее Солженицын не исключал возможности выступления в Думе с развернутым изложением своего видения состояния России и путей ее выхода из перманентного кризиса. На одном из заседаний Государственной Думы в сентябре Станислав Говорухин и Владимир Лукин предложили пригласить Солженицына для выступления. При первом голосовании это предложение не набрало большинства голосов. Против выступили как коммунисты, так и фракция Жириновского и Гайдара. Однако фракция КПРФ вскоре изменила свое мнение, и Дума приняла решение о приглашении писателя. Выступление было назначено на 28 октября,

и печать еще за несколько дней до этого комментировала необычное заседание.

Солженицын прибыл в Думу перед самым выступлением и вошел в зал в окружении десятков журналистов. В зале пустовала половина депутатских кресел. Не пришли депутаты из правительства, а Егор Гайдар демонстративно вошел в зал через полчаса после начала выступления.

Писатель тщательно подготовился к выступлению и говорил напористо и вдохновенно. Его речь была интересной и содержательной. Но отклика в зале почти не было, лишь иногда раздавались жидкие аплодисменты. Солженицыну не задали ни одного вопроса — ни устно, ни письменно.

Конечно, писатель повторил многое из того, что уже говорил ранее: «На нас лежит ответственность перед страдающим народом. Я вынес ощущение, что народная масса обескуражена, она в шоке от унижения и стыда за свое бессилие. Людей практически выключили из жизни. У них оказался небогатый выбор: или владеть нищим существованием, или постигать ремесло, как обманывать государство». Писатель осудил приватизацию, издевался над ваучерами, отмечал рост преступности, осуждал ограбление вкладчиков сберегательных касс, рисовал бедствия деревни. Он повторил слова об олигархии и коммунистической номенклатуре, «перевосставшей в демократы». «Говорят, нет денег. Да, у государства, допускающего разоружку национального имущества и не способ-

ного взять деньги с грабителей, нет денег». Эти слова вызвали слабые аплодисменты.

Поведение Думы понять можно. Доминировали здесь именно те партии и фракции, которые были задеты прежними выступлениями писателя и рассматривали его как своего политического противника. Да и вне Думы не было в 1994 году ни одной политической партии, которая могла оценивать Солженицына как своего союзника. В откликах прессы сказало, видимо, то постоянное пренебрежение Солженицына к журналистам, которое он многократно высказывал на Западе и стал повторять в России. Что касается широкой публики, то она уже устала от критических речей. Писатель в данном случае никому не открывал глаза на действительность, о которой многие из политиков и простых людей говорили еще более резко. Но население было деморализовано, оно устало от слов. Россия была затоплена критикой, и еще одна критическая речь мало кого могла взволновать. Солженицын надеялся влиять на положение в обществе своим словом, но инфляция слов была в стране даже большей, чем денежная инфляция.

Выступление в Думе не являлось инициативой Солженицына. Иное дело — телевизионные выступления, которые предложил руководству ОРТ сам писатель. Речь шла не о выступлениях в прямом эфире, а о заранее подготовленных передачах по десять–пятнадцать минут каждая. Передачи начались уже в августе и вызвали немалый интерес у публики и прессы. Каких-либо новых идей Солженицын не высказывал, но говорил горячо и заинтересованно. Лично мне казалось неверным, что в передачах отсутствовала полемика. Ведущий программы задавал писателю только заранее согласованные вопросы.

В сентябре передачи с участием Солженицына продолжались и стали проводиться регулярно по понедельникам в вечернее время. Темы этих выступлений менялись, но менялся и тон писателя: он становился все более назидательным. При этом Солженицын весьма уверенно говорил и о таких проблемах, о которых имел лишь самое прибли-

тельное представление. Он делал множество предположений, но было неясно, кто и как должен их осуществлять. Передачи перестали комментировать в печати. Анализ зрительских интересов показывал, что российский зритель утратил в октябре–ноябре 1994 года интерес к выступлениям Солженицына.

Солженицын повествовал о вещах и фактах, которые всем его слушателям были знакомы и обсуждались не раз. Это позволило радикал-демократам из «Выбора России», на которых писатель обрушил свою критику еще во время поездки по России, взять своеобразный реванш. «Мы надеялись, — писала Алла Гербер, — что Солженицын сумеет увидеть и понять проблемы новой России. Мы ждали слова громадного писателя, независимо от того, разделяем мы его взгляды или нет. Но взгляды, и не снизу, а сверху, откуда только ему и видно, что с нами происходит, куда мы, с чем и зачем. Но Солженицын все успел узнать и все понять за несколько месяцев пребывания в России, но только на уровне репортера из районной газеты. Мы прощаемся со своим Солженицыным, который теперь открывает нам истины о том, что надо мыть руки перед едой». «Великий русский писатель, — иронизировал по тому же поводу журнал «Новое время», — задался, по-видимому, озвучить штампы перестроенной публицистики 5- или 7-летней давности со страстью человека, вопиющего в пустыню о том, что дважды два будет четыре. Четыре!»

Неудачные выступления на телевидении привели к снижению общего политического рейтинга писателя. С почетного двенадцатого места он переместился в конце 1994 года на восьмидесят шестое, а в начале 1995 года и вовсе выпал из списка ста ведущих политиков «НГ». В передаче от 30 января 1995 года Солженицын подверг резкой критике само телевидение. «Сегодняшнее телевидение, проданное за деньги, народ презирает... Подобные отклики позволили руководству ОРТ прекратить выступления Солженицына, расписанные уже на два-три месяца вперед.

Можно было заранее предвидеть взаимную неприязнь между вернувшимся в Россию Солженицыным и коммунистами, а также радикальными либералами-западниками. Однако крайне враждебно встретили писателя и все известные лидеры российской национально-патриотической оппозиции. Еще до приезда Солженицына в Москву Сергей Бабурин заявил, что «ничего не ждет от появления Солженицына в России». «А кто он, собственно, такой?» — ответил вопросом на вопрос Александр Невзоров. «Кто придет его слушать? — спрашивал редактор газеты «Завтра» Александр Проханов. — Он не будет встречаться с коммунистами... К нему не придет партия Гайдара, весь этот неоконсервативский и космополитический слой... Он будет искать поддержки у националистов. Тут он как дома, тут его духовная родина. Но с чем он туда придет? Вряд ли он придет туда как абсолютный хозяин. У этой оппозиции появились свои лидеры, свой горький опыт, своя трагедия — трагедия октября прошлого года. Трагедия, которую Солженицын принаем. Он оправдал расстрел у «Белого дома»... И как же он придет к националистам, которые считают это величайшим преступлением перед Россией?»

Еще до возвращения в Россию Солженицын говорил, что не рассчитывает на всеобщую поддержку в стране. Действительно, и через год, и через два года после своего возвращения в Россию Солженицын оставался в полном одиночестве и как общественный деятель, и как идеолог.

...Теперь Солженицын гораздо чаще появляется в печати, нежели выступает перед телевизионной или политической аудиторией. Но это уже другая тема.

Публикуемый текст представляет собой фрагменты из готовящейся к печати книги Роя Медведева «Александр Солженицын и новая Россия».